

Р. С. Платонов

<https://orcid.org/0000-0003-2762-1328>**Античные влияния в этике раннего Нового времени: методология исследования**

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РФФИ «Моральная философия раннего Нового времени: ключевые характеристики, основные идеи и тенденции», грант № 18-011-00297

Целью статьи является прояснение ключевых методологических затруднений при исследовании влияния на моральную философию раннего Нового времени философских идей Античности, а также определение оптимального метода данного исследования. В статье проводится аналитический обзор подходов к работе с источниками ряда современных исследователей. Определяется, что они используют два основных метода. Первый – сравнительный понятийный анализ. В этом случае влияние устанавливается на основе употребления, заимствования отдельных понятий или суждений. Текст рассматривается как эмпирический материал, а результаты анализа – как объективные данные. Выводы делаются по принципу движения от частного к общему – от отдельных понятий к определению характеристик влияния. Второй – сравнительный концептуальный анализ. В этом случае влияние устанавливается на основе соответствия тех или иных идей авторов теоретическому направлению, определенному исследователем вне изучаемого текста. Текст уже не является эмпирическим материалом, дающим объективные данные, происходит узнавание в тексте предполагаемой исследователем концепции. Выводы делаются по принципу движения от общего к частному – от общих положений заданной концепции к интерпретации понятий и суждений текста в соответствии с этими положениями. При этом второй метод может быть реализован либо явно, когда исследователь предварительно дает описание концепции, ее положений, на соответствие которым он будет анализировать текст, либо скрыто, когда исследователь претендует на объективность понятийного анализа, но, не имея достаточного материала, подменяет его концептуальными разъяснениями, что ведет к менее ответственной и продуманной интерпретации. В статье показывается, что в большинстве случаев первый метод оказывается скрытым вариантом второго. Причиной является специфика построения философского текста в раннее Новое время – отсутствие практики обязательного цитирования, ссылок на предшественников. Это делает невозможным установление влияния посредством объективных текстуальных данных. Оптимальным оказывается эксплицированный вариант концептуального анализа.

Ключевые слова: этика, метод, понятие, раннее Новое время, Аристотель, Платон, Цицерон, Юм, Спиноза, Гроций.

R. S. Platonov

Antique Influence in Ethics of the Early Modern Period: Research Methodology

The article sets a goal to clarify the main methodological difficulties arising in the study of the influence of antique philosophical ideas on the moral philosophy of the early modern period and to determine the optimal method of the study. The article provides an analytical review of approaches to work with sources of a number of modern researchers. They use two main methods. The first is a comparative conceptual analysis. In this case, the influence is established on the basis of the use, borrowing of separate concepts or judgments. The text is considered as an empirical material, and the results of the analysis as objective data. Conclusions are made on the principle of movement from the particular to the general – from unrelated concepts to the definition of the characteristics of influence). The second is a comparative theoretical system analysis. In this case, the influence is established on the basis of the correspondence of certain ideas of the authors to a certain theoretical direction and the direction is determined by the researcher outside the studied text. The text is no longer an empirical material that provides objective data. We have recognition in the text of the theoretical system proposed by the researcher. Conclusions are made on the principle of movement from the general to the particular – from the general provisions of the given theoretical system to the interpretation of the concepts and judgments of the text in accordance with these provisions. Also, the second method can be implemented either explicitly, when the researcher gives a preliminary description of the theoretical system, its provisions or hidden, when the researcher claims the objectivity of conceptual analysis, but does not have sufficient material and replaces it with theoretical explanations. It leads to a less responsible and thoughtful interpretation. The article shows that in most cases the first method is a hidden version of the second. The reason is the specificity of the construction of the philosophical text in the early modern period (it is a lack of common practice of citation, references to predecessors). It makes impossible to discover the influence through objective textual data. The best version is an explicated theoretical system analysis.

Keywords: ethics, method, concept, early modern period, Aristotle, Plato, Cicero, Hume, Spinoza, Grotius.

Оценивая влияние на философию раннего Нового времени (в том числе и на моральную философию) философских идей предшествовавших

эпох, исследователи обычно разделяются на две группы. Одни считают новую философскую традицию достаточно своеобразной, чтобы никакое

влияние не могло играть в ней значительной роли, а соответственно, исследование этого влияния не может как-либо дополнить наше понимание новых идей [26, 25]. Другие, наоборот, видят преемственность и считают, что анализ влияния может помочь понять процесс зарождения и развития нововременной философии [3, 8, 30, 31]. Если первый подход в виду своего отрицания не представляет особого интереса, то второй сталкивается с такой спецификой объекта, которая может дискредитировать все полученные результаты исследования. Поэтому, прежде чем следовать по второму пути, необходимо уточнить методологию исследования с учетом особенностей его объекта.

Эту специфику объектного материала – философского текста периода раннего Нового времени – Д. Резерфорд определяет как «широту и неоднородность источников». Резерфорд образно также называет это «закваской мысли прошлого (ferment of past thought)», которую новые философы «пьют свободно и без разбора (indiscriminately)», лишь иногда оставляя «явные ссылки» на своих предшественников. Таким образом, они являются «неосознанными последователями (unacknowledged disciples)» всех мыслителей прошлого [32, p. 195]. Свою роль здесь сыграло и развитие системы образования или, как пишет М. Стоун, «главного продукта аристотелевской схоластики: «философского учебника (philosophical textbook)» [33, p. 8] и кодификации знания как «системы» – «совокупности знаний, объединенных одной идеей или принципом» [ibid., p. 12-13]. Другими словами, полнота материала, которым владели философы новой эпохи, в сочетании с их стремлением создавать свое без привязки к авторитетам прошлого, делает влияние прошлого скрытым и разрозненным.

Если принять за ориентир разделение типов проблематизации чтения текста, предложенный А. В. Ахутиным и С. В. Месяц [1, с. 8-15; 11, с. 276-281], на «системно-философский», когда идеи рассматриваются как вечные и обретаемые в тексте «как бы заново», что трудно отделить от «узнавания в чужом тексте своей собственной мысли», и «историко-философский», когда формируется требование объективности – изучать строго определенный текст и без «заранее имеющейся философской позиции», можно утверждать, что философия раннего Нового времени не знала историко-философского исследования. Более того, она не имеет какой-либо законченной формы восприятия текста и работы с ним, оказы-

ваясь своего рода подростковым периодом, когда отрицается жесткая привязка мысли к авторитету, но еще не оформлен опыт внимания к прошлому. Нет традиции школ (как в Античности), нет традиции комментария (как в Средние века). Несмотря на «философский учебник», корпус текстов авторов прошлого не проработан, не сформированы еще академические, хотя по сути аристотелевские, стандарты ссылок и анализа мнений предшественников. Больше всего внимание уделяется сочинениям Цицерона, тогда как, по словам Д. Юма, «слава Аристотеля совершенно угасла» [22, с. 6]. Внимание к Аристотелю возвращается только в XIX в. благодаря Гегелю [20, с. 42]. Благодаря Шлейермахеру в полной мере в философию приходит Платон (второй раз и уже окончательно, начиная с эпохи Возрождения).

Как следствие в способе построения философского текста в раннее Новое время можно условно представить некоторый спектр. В одном краю спектра можно наблюдать еще практически средневековое построение текста, где обильное цитирование сродни комментарию, где есть жесткая привязка мнения автора к авторитету. В центре спектра выборочное и иной раз вполне критическое обращение к чужому тексту. На другом краю – полное отсутствие каких-либо ссылок, чистая «философия от автора». Первый вариант наиболее ярко представляют работы Г. Гроция, второй – Д. Юма, третий – Б. Спинозы.

Сочинение Г. Гроция «О праве войны и мира» [6] – это букет цитат различных авторов: Цицерон упоминается 260 раз, Сенека – 234, Аристотель – 150, Платон – 66, Фома Аквинский – 36 раз и все это вперемешку с отсылками к Библии. Гроцию важно не просто представить свои идеи, а подкрепить их авторитетом. Поэтому он рассматривает в тесной связке с сочинениями Аристотеля концепции справедливости и «естественного права», подводя под него суждения Аристотеля о том, что «есть некоторые вещи, самое наименование которых связано с мыслью о порочности» [6, с. 72].

Д. Юм в «Исследованиях о принципах морали» упоминает Цицерона 11 раз, Сенеку – 2, Платона – 5, Аристотеля с перипатетиками – 3 раза [21, с. 171-314]. Все эти упоминания концептуально значимы, встроены в его рассуждения о добродетелях и проч., позволяют без лишних толкований определить, с чем он соглашается, от чего отталкивается, что уточняет и т. д. Этот под-

ход Юма можно назвать передовым, приближающим его к стилистике XIX в. Но важно отметить, что в опубликованном двенадцатью годами ранее «Трактате о человеческой природе» не только в разделе «О морали», но и во всем тексте Цицерон не упоминается ни разу, три раза упоминается перипатетическая школа (и все три неместно и не в контексте моральной проблематики) [25, с. 270, 273, 566]. То есть текст Трактата строится в той же традиции, что и тексты Спинозы, Декарта, Канта и проч. Хотя есть и дополнительные свидетельства: в одном из писем Юм упоминает, что при работе над разделом «О морали» всегда «имел перед глазами» трактат Цицерона «Об обязанностях» [31, р. 377].

Б. Спиноза в «Этике» ни на Аристотеля, ни на Платона не ссылается вообще, один раз ссылается на Цицерона (в части III «О происхождении и природе аффектов» [19, с. 204] в Объяснении честолюбия – использует суждение из «Тускуланских бесед» о том, что даже «лучшие люди <...> руководствуются славой») и один раз упоминает Сенеку (в части IV, в схолии к Положению XX, которое гласит: «Чем более каждый ищет своей пользы, то есть старается и может сохранить свое существование, тем более он одарен нравственной силой»). В этом фрагменте Спиноза говорит лишь о самоубийстве Сенеки как о предпочтении меньшего зла большему [9, с. 232]. Другими словами, он использует древних как иллюстрации, элементы эрудиции и ничего большего непосредственно из текста заключить нельзя.

Чтобы показать, что данный спектр не имеет временной последовательности, можно привести в пример оценку И. Кантом концепции середины в этике Аристотеля для определения добродетели. Кант иронично называет такое определение «хваленым основоположением» и объявляет ложным, так как, согласно Канту, порочное и добродетельное действия определяются разными максимумами [7, с. 339]. Кант не стремится анализировать этику Аристотеля, скорее, использует концепцию середины, чтобы яснее указать на свой подход: «...если мы должны отличить порок от добродетели, то нам следует распознавать и излагать как различное не меру исполнения нравственных максим, а объективный принцип их» [7, с. 370-371].

В такой ситуации трудно прояснить, как именно понимался тот или иной автор прошлого. А если выражаются какие-либо оценки в его адрес, то они недостаточны для внятной реконструкции. Это заставляет исследователей искать

дополнительный материал – использовать не мнение автора о предшественниках, а самих предшественников. Самые осторожные пытаются определить, например, каково было отношение современников автора к тому или иному мыслителю прошлого, воссоздать, таким образом, интеллектуальный контекст и уже в нем определить взгляды автора. Так поступает Джеймс Мур, изучая труды Юма.

В попытке показать влияние на идеи Юма трактата Цицерона «Об обязанностях» [31, р. 365] Мур начинает со систематизации того, как понимали Цицерона в XVII-XVIII вв. Отталкиваясь от комментариев Дж. Толанда, Э. Коллинза и др., он выделяет два основных направления (актуальные и сегодня [2]): Цицерон проводил взгляды стоиков, Цицерон критиковал стоиков и был ближе скептикам. Согласно Муру, Юм разделяет второе мнение. Однако связать определенное мнение с мнением самого Юма ему позволяют именно ссылки в уже упоминавшихся «Исследованиях» и, например, в «Письме джентльмена» в утверждении, что Цицерон один из древних философов, кто довел «свои философские сомнения до высшей степени скептицизма» [24, с. 685].

Но многие авторы таких подсказок не дают, и исследователям приходится включать в контекст не только мнение современников, но и сами тексты предшествовавших мыслителей. Яркий пример тому – исследование Дж. Миллера рецепции стоической этики. Считая «теорию естественного закона (natural law)» ключевой для стоиков, Миллер предлагает выявлять влияние стоиков по наличию связи естественного закона с моральными суждениями [30, р. 117]. То есть идти наоборот – от античности к Новому времени (что может расцениваться как методологическое преодоление сложности объекта исследования).

Миллер использует современные историко-философские трактовки закона у стоиков: универсальную и партикулярную. В первой – «универсальный, самодовлеющий и непреложный» естественный закон, из которого возможна дедукция содержания конкретного действия. Во второй – закон является лишь «вспомогательным средством» [30, р. 118-119], а содержание поступка определяется еще и с учетом сопутствующих обстоятельств. Проецируя эти современные интерпретации на философов XVII в., Миллер находит первую интерпретацию стоицизма у Г. Гроция, а вторую – у Б. Спинозы (возможности такого обнаружения в первом случае понятны, во

втором – при уже упомянутом цитировании – выглядят совершенно фантастически).

Обратим внимание, что при универсальном подходе стоическое учение трактуется в духе Платона, а при партикулярном – в духе Аристотеля, выделение своеобразия именно стоического учения в данном случае не происходит. Возникает проблема референции авторства – почему речь идет о влиянии именно стоиков, а не Платона и Аристотеля? Но тут Миллер делает шаг в сторону: «Сравнивая две фигуры в истории философии, сложно сказать, что одна «повлияла» на другую. Это объясняется как скудостью доказательств, так и сложностью самого понятия влияния» [30, р. 125]. В отношении Спинозы он особенно оговаривается: «одним из требований к утверждениям о влиянии является убедительное текстуальное (а не только концептуальное) доказательство», поэтому, угадав/предположив влияние стоиков на Спинозу, он отказывается от самого утверждения, что такое влияние было.

Еще более фантастичным примером узнавания античного наследия в нововременной философии является изложение Э. Кассирером «вопроса о соотношении между правом и властью», постановку которого он приписывает Платону, при этом ссылаясь на «два основополагающих тезиса» (мнение Сократа и мнение Фрасимаха в «Государстве») [8, с. 260].

Напомним, что у Платона речь идет о справедливости. Фрасимах выражает ту же позицию, что и Каллик в «Горгии» [14, 485a–492c]: «справедливость, утверждаю я, это то, что пригодно сильнейшему» [15, 338c]. С разъяснения Сократа появляется и понятие «закон» (*νόμος*) – «устанавливает же законы всякая власть в свою пользу» [15, 338e]. Но здесь смысловой акцент не на понятии закона, а на понятии пользы, блага. Тут же примешивается вопрос об искусстве управления, об истинном правителе и т. д. Возникает и проблема согласования мнений: так, Сократ утверждает, что «выполнять приказы властей – вот, что считал Фрасимах справедливым» [15, 340b], и этот формальный критерий явно определяет и собственную позицию Сократа, с той лишь разницей, что власть поступает во благо подвластных. Но так как благо подвластных оказывается лишь средством для достижения блага власти и что именно является благом совсем не очевидно, далее в «Государстве» речь пойдет о «благородном вымысле» и подтасовке жребия мудрецами, то есть о средствах конструирования представлений о благе у одвластных. Это все еще

раз возвращает нас к известному – диалоги Платона представляют собой крайне неоднозначное изложение какой-либо позиции.

Для Кассирера здесь, наоборот, все просто: Платон поставил вопрос, озвучил две позиции устами Сократа и Фрасимаха и, как пишет Кассирер, «XVIII век, спустя более двух тысячелетий, устанавливает прямую связь с мышлением античности». Но тут же добавляет: «Правда, мы встречаем оба тезиса (Сократа и Фрасимаха. – *Р. П.*) в другом виде, и их формулировка существенно отличается своим понятийно-концептуальным миром от платоновской». Далее следует еще одна оговорка: «Но это изменение не разрушает внутреннего родства и объективной связи между обоими мирами» [8, с. 260]. То есть, по сути, сформулировав различие дискурсов, он тут же добавляет, что проблемы нет, а есть «объективная связь». Однако именно «объективной связи» он не показывает, говоря как раз обратное: «...методическая форма платоновского вопроса все реже понимается в его своеобразном значении; только содержание вопроса продолжает жизнь» [8, с. 261]. Согласно Кассиреру, содержание именно в том, что «право» отделяется от власти, «от всякого обоснования, зависящего от власти». Соответственно, не природа противопоставляется закону, а естественный (справедливый) закон – закону несправедливому.

При такой интерпретации очевидно, что исследователь работает уже не с понятиями, а с концептами в их расширенном понимании, когда концепт – не синоним понятия, а «смысловая структура, которая проявляется одновременно в логической, интуитивной, индивидуальной, социальной, сознательной и бессознательной сферах» [12, с. 167]. При таком подходе мы лишаемся возможности узнать собственную историю текста, увидеть в нем не отражение своих идей, а связь с теми идеями, которые способствовали его созданию. Другим преодолением границ текста как системы понятий и суждений является расширение объектного материала за счет обращения к культурно-историческому контексту, превращение его в «картину мира», когда рассматривается весь возможный комплекс условий создания текста, формирования идей в конкретный период времени [17, с. 296–303]. Однако, кроме того, что сама концепция «картины мира» недостаточно четко определена и требует уточнения при ее использовании применительно к каждой эпохе [17, с. 297], мы неизбежно уходим от реальности текста в сложные культурологические и

исторические спекуляции, где слабые места прикрываются все возможными *ad hoc* объяснениями. Сродни тому, которое, например, дает С. Ф. Кечекьян для «апории рабства» у Аристотеля – двойственности его определения раба по природе (как человека и как одушевленного орудия). Все дело в том, что Аристотель был женат на дочери вольноотпущенника Гермия, а потому не мог последовательно провести свою теорию рабства [9, с. 77].

Отсутствие методологической рефлексии у Кассирера дает четче разглядеть проблему. Существуют идея X и идея Y. Мы можем сопоставить их, если имеется текстуальный материал – прямые цитирования, ссылки. Это самый простой вариант, так как при достаточном количестве ссылок можно определить, как автор идеи Y понимал идею X и далее – в какой степени Y совпадает с X (может быть, даже является X'). Ключевую роль здесь играет сопоставление понятий. Если при достаточном количестве ссылок нам не важно, как сам автор идеи X использовал то или иное понятие и насколько точно, на наш взгляд, его понял автор идеи Y, так как речь идет именно о развитии самой идеи Y, то при отсутствии ссылок идеи X и Y сопоставляются через их сходство в понимании исследователя. Кассирер в этом идет практически напролом – провозглашая некую, очевидно, известную ему непосредственно, аутентичную мысль Платона и находя ее в идеях прочих философов, а по сути, угадывает в истории идей самого себя.

В результате этого появляются и дополнительные вопросы:

Как проследить различие и сходство понятий? В данном случае «право», «закон», «обычай». Платон в указанных местах использует только «νόμος» (сам Кассирер говорит явно о праве в современном значении, ссылаясь на ««теории» права и государства»). На основе чего устанавливать «объективную» связь, тем более в условиях различия дискурсов?

Как проследить референцию авторства? В данном случае – почему, интерпретируя соотношение природы (φύσις) и закона (νόμος) как «права и власти», Кассирер подает это как оппозицию мнению «софистов»? Заметим, что тематически здесь опять появляется понятие «νόμος», но уже в ином значении, а «естественное право» сближается с понятием «φύσις». Тот же Гиппий у Платона в «Протагоре» [16, 337b] говорит о законе как о тиране (владельце), а в «Гиппии большем» разделяет законы, приносящие пользу,

и «плохо установленные», приносящие вред [13, 284d]. Более того, если речь идет о непосредственном влиянии, но при этом нет материала, на котором можно было бы указать конкретные пути этого влияния (что делает это влияние своего рода транскультурной силой притяжения), почему делается вывод, что было влияние именно Платона, а не греческой культуры в целом? Ведь оно могло осуществиться сотней разных путей, коль скоро доступны были не только тексты Платона. Например, в своих примечаниях к «Горгию» А. А. Тахо-Годи отмечает, что противопоставление «неписаного» закона или закона богов писаным законам людей встречается во многих источниках [10, с. 571-572]. Например, у Софокла в пьесе «Антигона» на запрет Креонта хоронить Полиника обозначены две реакции – реакции двух сестер: Исмены («Бессмертных чтю я, но все же / Я против воли граждан не пойду») и Антигоны («Не знала я, что твой приказ всеисполнен / И что посмеет человек нарушить / Закон богов, не писанный, но прочный») [18, строки 80, 450-460]. Понимание соотношения природы и закона в греческой культуре вовсе не было столь однозначным, так как в природе действовал закон/порядок (от богов ли, сам ли по себе).

Таким образом, становится очевидной не только невозможность провести исследование влияния сравнительным понятийным анализом, но и несостоятельность слишком самоуверенной интерпретации. Однако становится также очевидно, что какой-либо другой, нежели отдельная концепция, предмет исследования в данной ситуации трудно найти. Так, Дж. Гордон идет по пути снятия различия между концепциями благой жизни и должного действия, чтобы показать близость обеих традиций в моральной философии [28]. С. Джеймс считает, что связь надо искать в концепциях обязанностей и симпатии (в случае со стоиками) [29, с. 198-220], Д. Резерфорд – в практическом разуме (в случае с Аристотелем), а также в понимании счастья, добродетели и закона. Но все это без какой-либо строгой привязки к тексту (точнее – связывания текстов), объектный материал исследования здесь остается очень зыбким.

Примером такого подхода, когда предметом исследования является концепция, а не понятие или авторская идея, могут служить работы А. Г. Гаджикурбанова, в которых он, изучая этическое учение Спинозы, сопоставляет его в тех или иных аспектах с учением Платона, стоиков и Аристотеля [3, 4, 5]. Сам Гаджикурбанов не

разъясняет методологию и просто называет ее «сравнительным анализом». Но такой анализ у него всегда направляется уже продуманными концепциями, оформляющими проблемную область. Так, в своей статье «Были ли Спиноза платоником?» Гаджикурбанов сначала определяет две концепции – натурализм и платонизм, ссылаясь в том числе и на работы М. Айерса (*Ayers M. Spinoza, Platonism and Naturalism*) [3, с. 52]. В первом случае речь идет о «натуралистическом подходе при оценке моральной жизни субъекта», как его концептуализирует ряд исследователей: в понимании Спинозы «природа представляет собой однообразное и однородное пространство приложения некоторых общих принципов в построении универсума». Во втором случае ключевым аспектом является идея «онтологического различения», которое ввел в философию Платон, когда различные «сферы бытия» наделяются различным «аксиологическим статусом». Таким образом, натурализм и платонизм противопоставляются как «стремление к унификации реальности» и «различение природы вещей». Определив такое концептуальное основание, Гаджикурбанов анализирует тексты Спинозы. Обнаруживается, что в одних случаях Спиноза «не придает значения качественному разнообразию разных слоев бытия», а в других – наоборот: 1) в определении природы проводится разделение природы творящей и природы сотворенной, 2) в способах познания разделяется виденье «мира извне», познание порядка, «подчиненного законам эмпирического бытия», и «внутреннее постижение существующих между вещами связей». Проведенный на основе сопоставления концепций анализ позволяет Гаджикурбанову сделать вывод о «значимости платонической составляющей» в философии Спинозы [3, с. 50-52].

При таком подходе проблема влияния не формулируется как влияние Платона, Аристотеля, Сенеки на Спинозу, то есть конкретных текстов, прочитанных Спинозой и представленных в его собственных сочинениях. Рассматриваются именно концепции, то есть ведется проблемное, а не историческое исследование. Речь не о «платонизме Спинозы» в том смысле, что Спиноза был вдохновлен Платоном, а только о развитии, корреляции платонизма и натурализма, в качестве примера которого приводится философия Спинозы. Как правило, при этом обнаруживается, что философия конкретного автора не реализует ни одну из чистых концептуальных форм, а представляет их своеобразное сочетание. В случае

определения влияния Платона на Сенеку требуется сопоставление текстов, а значит – понятийный анализ и наличие документальных свидетельств их близости. В альтернативном варианте объективным материалом исследования является текст одного, в котором ищутся не понятия и ссылки, а концептуальные схемы/формы.

Первый случай, таким образом, представляет собой метод сравнительного концептного (понятийного) анализа, а второй – сравнительного концептуального анализа. Пример изложения Кассирера (путаный и нечеткий) показывает, что этот метод требует большой осторожности, так как не имеет твердой опоры/материальных свидетельств в тексте. Соответственно, последовательность шагов этого метода должна строго соблюдаться и всегда быть эксплицированной в изложении: 1) описание концепции в ее ключевых аспектах, 2) анализ текста по выделенным концептуальным аспектам.

Специфика построения философского текста в раннее Новое время не позволяет уверенно проследить его связи с текстами античных авторов, так как философы новой эпохи не любили смотреть в прошлое и не оставили нам достаточно ясных свидетельств оказанного на них влияния предшественников. По этой же причине нельзя ориентироваться в поиске влияния и на античный текст, так как мы вынуждены исходить из современного его понимания, определенного почти двухсотлетней практикой историко-философского исследования, приписывая такое же понимание авторам раннего Нового времени. То есть мы исходим из того, что идеи Платона, Аристотеля, стоиков и т. д. были такими-то и такими-то, и ищем нашего Платона в их текстах. А когда находим, заключаем, что это и есть следы влияния, при том, что не можем знать, каким был тот же Платон, например, для Спинозы. В исключительных случаях данное затруднение можно преодолеть тщательным изучением не только творчества и биографии каждого конкретного мыслителя, когда собираются все возможные объективные свидетельства его связи с тем или иным философским направлением прошлого. Но это не может заменить в полной мере сравнительного понятийного анализа.

В такой ситуации особенно важна методологическая честность – нужно отказаться от утверждения, что устанавливается влияние одного автора на другого, и от претензии на объективность в том смысле, что исследование опирается на текст, продвигается от частного к общему (от

слова, понятия к идее и замыслу). Ведь всякому подобному исследованию неизбежно будет предшествовать уже готовая интерпретация хотя бы одного из сравниваемых учений. Соответственно, такое исследование возможно только как проблемное (концептуальное), но не историко-философское (текстуальное). Оптимальным вариантом такого исследования представляется предварительное формулирование концепций (натурализм, онтологический моральный оптимизм и проч.) – того общего, на основе которого уже будет определяться частное. Осознанное, продуманное самоограничение (умеренность) в интерпретации становится необходимой методологической добродетелью исследователя.

Библиографический список

1. Ахутин, А. В. Античные начала философии [Текст] / А. В. Ахутин. – СПб. : Наука, 2007. – 783 с.
2. Брагова, А. М. Интерпретация Цицероном стоических понятий *honestum, virtus, officium* [Текст] / А. М. Брагова // СХОЛН. – 2011. – № 5 (1-2). – С. 42-52.
3. Гаджикурбанов, А. Г. Был ли Спиноза платоником? [Текст] / А. Г. Гаджикурбанов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1 (63). – С. 49-52.
4. Гаджикурбанов, А. Г. Отношение к миру в этике стоицизма и в моральном учении Спинозы [Текст] / А. Г. Гаджикурбанов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11 (61). – Ч. III. – С. 37-39.
5. Гаджикурбанов, А. Г. Различие этических и интеллектуальных добродетелей в моральных доктринах Аристотеля и Спинозы (сравнительный анализ) [Текст] / А. Г. Гаджикурбанов // Философская мысль. – 2016. – № 3. – С. 1-22.
6. Гроций, Г. О праве войны и мира [Текст] / Г. Гроций. – М. : Ладомир, 1994. – 868 с.
7. Кант, И. Метафизика нравов в двух частях. 1797 [Текст] / И. Кант // Кант И. Соч.: в 6 тт. – Т. 4. – Ч. 2. – М. : Мысль, 1965. – 478 с.
8. Кассирер, Э. Философия просвещения [Текст] / Э. Кассирер. – М. : Росспэн, 2004. – 400 с.
9. Кечекьян, С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве [Текст] / С. Ф. Кечекьян. – М. : Изд-во АН СССР, 1942. – 222 с.
10. Лосев, А. Ф., Тахо-Годи, А. А. Комментарии [Текст] / А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи // Платон. Соч. : в 4 т. – Т. 1. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2006. – С. 503-622.
11. Месяц, С. В. Чтение философского текста. Круглый стол от 07.08.2007 [Текст] / С. В. Месяц // СХОЛН. – 2007. – Т. 1. – № 2. – С. 276-298.
12. Новикова, Н. Л., Лебедев, А. В. Концепт как ментальная сущность [Текст] / Н. Л. Новикова, А. В. Лебедев // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 2. – С. 164-168.
13. Платон. Гиппий больший [Текст] / Платон // Платон. Соч. : в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1990. – С. 386-417.
14. Платон. Горгий [Текст] / Платон // Платон. Соч. : в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1990. – С. 261-274.
15. Платон. Государство [Текст] / Платон // Платон. Соч. : в 4 т. – Т. 3 (1). – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2007. – С. 97-494.
16. Платон. Протагор [Текст] / Платон // Платон. Соч. : в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1990. – С. 418-476.
17. Поликарпов, С. С. Научная репрезентативность концепта «картина мира» в контексте исследований древних и раннесредневековых обществ [Текст] / С. С. Поликарпов // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 296-303.
18. Софокл. Антигона [Текст] / Софокл // Софокл. Трагедии. – М. : Художественная литература, 1988. – С. 175-228.
19. Спиноза. Этика [Текст] / Спиноза. – М. : АСТ, 2001. – 336 с.
20. Фохт, Б. А. *Lexicon Aristotelicum* (Пособие для изучения Аристотеля как в подлиннике, так и в русском переводе). Краткий лексикон важнейших философских терминов, встречающихся в произведениях Аристотеля [Текст] / Б. А. Фохт // Историко-философский ежегодник '97. – М. : Наука, 1999. – С. 41-74.
21. Юм, Д. Исследования о принципах морали [Текст] / Д. Юм // Юм Д. Соч. : в 2 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1996. – С. 171-314.
22. Юм, Д. Исследования о человеческом познании [Текст] / Д. Юм // Юм Д. Соч. : в 2 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1996. – С. 3-177.
23. Юм, Д. Моя жизнь [Текст] / Д. Юм // Юм Д. Соч. в 2 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1996. – С. 43-53.
24. Юм, Д. Письмо джентльмена его другу в Эдинбурге [Текст] / Д. Юм // Юм Д. Соч. : в 2 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1996. – С. 675-693.
25. Юм, Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам [Текст] / Д. Юм // Юм Д. Соч. : в 2 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1996. – С. 53-656.
26. Creig, M. *Subverting Aristotle: History, Philosophy, and Religion in Early Modern Science* / M. Creig. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. – 262 p.
27. Darwall, S. *The British moralists and the internal 'ought': 1640-1740* / S. Darwall. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 352 p.
28. Gordon, J.-S. *Modern Morality and Ancient Ethics* [Электронный ресурс] / J.-S. Gordon // Internet Encyclopedia of Philosophy. – URL:

<https://www.iep.utm.edu/anci-mod/#H3>
(дата обращения: 29.05.2018)

29. James, S. The passions and the good life / S. James // The Cambridge Companion to Early Modern Philosophy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 198-220.

30. Miller, J. Stoics, Grotius, and Spinoza on Moral Deliberation / J. Miller // Hellenistic and Early Modern Philosophy. – New York: Cambridge University Press, 2003. – P. 116-140.

31. Moore, J. Utility and Humanity: The Quest for the Honestum in Cicero, Hutcheson, and Hume / J. Moore // Utilitas. – 2002. – № 14. – P. 365-386.

32. Rutherford, D. The end of ends? Aristotelian themes in early modern ethics / D. Rutherford // The Reception of Aristotle's ethics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 194-221.

33. Stone, M. W. F. Aristotelianism and Scholasticism in Early Modern Philosophy / M. W. F. Stone // A Companion to Early Modern Philosophy / Ed. by S. Nadler. – Oxford: Blackwell, 2002. – P. 7-24.

Reference List

1. Ahutin, A. V. Antichnye nachala filosofii = Antique beginnings of philosophy [Tekst] / A. V. Ahutin. – SPb. : Nauka, 2007. – 783 s.

2. Bragova, A. M. Interpretacija Ciceronom stoičeskih ponjatij honestum, virtus, officium Interpretation of the stoical concepts honestum, virtus, officium by Cicero [Tekst] / A. M. Bragova // ΣΧΟΛΗ. – 2011. – № 5 (1-2). – S. 42-52.

3. Gadzhikurbanov, A. G. Byl li Spinoza platonikom? = Was Spinoza a Platonist? [Tekst] / A. G. Gadzhikurbanov // Istoricheskie, filosofskie, političeskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Historical, philosophical, political and jurisprudence sciences, culturology and art criticism. Questions of the theory and practice. – 2016. – № 1 (63). – S. 49-52.

4. Gadzhikurbanov, A. G. Otnoshenie k miru v jetike stoicizma i v moral'nom učenii Spinozy = The relation to the world in ethics of stoicism and in the moral doctrine of Spinoza [Tekst] / A. G. Gadzhikurbanov // Istoricheskie, filosofskie, političeskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Historical, philosophical, political and jurisprudence sciences, culturology and art criticism. Questions of the theory and practice. – 2015. – № 11 (61). – Ch. III. – S. 37-39.

5. Gadzhikurbanov, A. G. Razlichie jetičeskih i intelektual'nyh dobrodetel'ej v moral'nyh doktrinah Aristotelja i Spinozy (sravnitel'nyj analiz) = Difference of ethical and intellectual virtues in Aristotle and Spinoza's moral doctrines (comparative analysis) [Tekst] / A. G. Gadzhikurbanov // Filosofskaja mysl'. – 2016. – № 3. – S. 1-22.

6. Grocij, G. O prave vojny i mira = On the right of war and peace [Tekst] / G. Grocij. – M. : Ladomir, 1994. – 868 s.

7. Kant, I. Metafizika нравов v dvuh chastjah. 1797 Metaphysics of customs in two parts. 1797 [Tekst] / I. Kant // Kant I. Soch.: v 6 tt. Compositions in 6 volumes. – T. 4. – Ch. 2. – M. : Mysl', 1965. – 478 s.

8. Kassirer, Je. Filosofija prosveshhenija = Education philosophy [Tekst] / Je. Kassirer. – M. : Rosspjen, 2004. – 400 s.

9. Keček'jan, S. F. Učenie Aristotelja o gosudarstve i prave = Aristotle's doctrine about the state and the law [Tekst] / S. F. Keček'jan. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1942. – 222 s.

10. Losev, A. F., Taho-Godi, A. A. Kommentarii = Comments [Tekst] / A. F. Losev, A. A. Taho-Godi // Platon. Soch. : v 4 t. Compositions: in 4 volumes – T. 1. – SPb. : Izd-vo Olega Abyshko, 2006. – S. 503-622.

11. Mesjac, S. V. Čtenie filosofskogo teksta. Kruglyj stol ot 07.08.2007 Reading philosophical text. Round table dated from 07.08.2007 [Tekst] / S. V. Mesjac // ΣΧΟΛΗ. – 2007. – T. 1. – № 2. – S. 276-298.

12. Novikova, N. L., Lebedev, A. V. Koncept kak mental'naja sushhnost' = Concept as mental essence [Tekst] / N. L. Novikova, A. V. Lebedev // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik = Jaroslavl pedagogical bulletin – 2016. – № 2. – S. 164-168.

13. Platon. Gippij bol'shij = Plato. Gippy bigger [Tekst] / Platon // Platon. Soch. : v 4 t. = Platon Compositions: in 4 volumes – T. 1. – M. : Mysl', 1990. – S. 386-417.

14. Platon. Gorgij = Plato. Gorgy [Tekst] / Platon // Platon. Soch. : v 4 t. Plato Compositions: in 4 volumes – T. 1. – M. : Mysl', 1990. – S. 261-274.

15. Platon. Gosudarstvo = Plato. State [Tekst] / Platon // Platon. Soch. : v 4 t. Plato Compositions: in 4 volumes – T. 3 (1). – SPb. : Izd-vo Olega Abyshko, 2007. – S. 97-494.

16. Platon. Protagor = Plato. Protagor [Tekst] / Platon // Platon. Soch. : v 4 t. = Plato Compositions: in 4 volumes – T. 1. – M. : Mysl', 1990. – S. 418-476.

17. Polikarpov, S. S. Nauchnaja reprezentativnost' koncepta «kartina mira» v kontekste issledovanij drevnih i rannesrednevekovykh obshhestv. Scientific representativeness of the concept « a picture of the world » in the context of researches of ancient and early medieval societies [Tekst] / S. S. Polikarpov // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik = Jaroslavl pedagogical bulletin – 2017. – № 6. – S. 296-303.

18. Sofokl. Antigona = Sophocles. Antigone [Tekst] / Sofokl // Sofokl. Tragedii. Sophocles. Tragedies – M. : Hudožestvennaja literatura, 1988. – S. 175-228.

19. Spinoza. Jetika = Spinoza. Ethics [Tekst] / Spinoza. – M. : AST, 2001. – 336 s.

20. Foht, B. A. Lexicon Aristotelicum (Posobie dlja izučenija Aristotelja kak v podlinnike, tak i v russskom perevode). Kratkij leksikon vazhnejših filosofskih terminov, vstrečajushhihsja v proizvedenijah Aristotelja = (A book for studying Aristotle both in the original, and in Russian translation). Brief lexicon of the major philosoph-

ical terms which are found in works by Aristotle [Tekst] / B. A. Foht // Istoriko-filosofskij ezhegodnik '97. Historical-philosophical year-book '97. – M. : Nauka, 1999. – S. 41-74.

21. Jum, D. Issledovanija o principah morali = Researches about the principles of morals [Tekst] / D. Jum // Jum D. Soch. : v 2 t. Hume D. Compositions: in 2 volumes – T. 2. – M. : Mysl', 1996. – S. 171-314.

22. Jum, D. Issledovanija o chelovecheskom poznanii = Researches about human knowledge [Tekst] / D. Jum // Jum D. Soch. : v 2 t. Hume D. Compositions: in 2 volumes – T. 2. – M. : Mysl', 1996. – S. 3-177.

23. Jum, D. Moja zhizn' = My life [Tekst] / D. Jum // Jum D. Soch. : v 2 t. Hume D. Compositions: in 2 volumes – T. 1. – M. : Mysl', 1996. – S. 43-53.

24. Jum, D. Pis'mo dzhentl'mena ego drugu v Edinburge = The letter of the gentleman to his friend in Edinburgh [Tekst] / D. Jum // Jum D. Soch. : v 2 t. = Hume D. Compositions: in 2 volumes – T. 1. – M. : Mysl', 1996. – S. 675-693.

25. Jum, D. Traktat o chelovecheskoj prirode, ili popytka primenit' osnovannyj na opyte metod rassuzhdenija k moral'nym predmetam = The treatise about human nature, or attempt to apply the reasoning method based on experience to moral objects [Tekst] / D. Jum // Jum D. Soch. : v 2 t. = Hume D. Compositions: in 2 volumes – T. 1. – M. : Mysl', 1996. – S. 53-656.

26. Creig, M. Subverting Aristotle: History, Philosophy, and Religion in Early Modern Science / M. Creig. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. – 262 r.

27. Darwall, S. The British moralists and the internal 'ought': 1640-1740 / S. Darwall. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 352 r.

28. Gordon, J.-S. Modern Morality and Ancient Ethics [Elektronnyj resurs] / J.-S. Gordon // Internet Encyclopedia of Philosophy. – URL: <https://www.iep.utm.edu/anci-mod/#H3> (data obrashhenija: 29.05.2018)

29. James, S. The passions and the good life / S. James // The Cambridge Companion to Early Modern Philosophy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – R. 198-220.

30. Miller, J. Stoics, Grotius, and Spinoza on Moral Deliberation / J. Miller // Hellenistic and Early Modern Philosophy. – New York : Cambridge University Press, 2003. – R. 116-140.

31. Moore, J. Utility and Humanity: The Quest for the Honestum in Cicero, Hutcheson, and Hume / J. Moore // Utilitas. – 2002. – № 14. – R. 365-386.

32. Rutherford, D. The end of ends? Aristotelian themes in early modern ethics / D. Rutherford // The Reception of Aristotle's ethics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – R. 194-221.

33. Stone, M. W. F. Aristotelianism and Scholasticism in Early Modern Philosophy / M. W. F. Stone // A Companion to Early Modern Philosophy / Ed. by S. Nadler. – Oxford: Blackwell, 2002. – R. 7-24.